

Нуркова В.В. Мгновенный жизненный обзор. Метафора? Реальный мнемический опыт? Ретроспективный артефакт? К вопросу о перспективах исследования

English version: [Nourkova V.V. Momentary life review: a metaphor, an experience or a false memory? Further research perspectives](#)

Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова, Москва, Россия

[Сведения об авторе](#)

[Литература](#)

[Ссылка для цитирования](#)

Целью статьи является анализ состояния исследований нового для научной психологии предмета – феномена Мгновенного жизненного обзора (МЖО) и разработка перспективной программы его изучения. Феномен МЖО заключается в том, что, вспоминая об экстремальных ситуациях, люди иногда утверждают, будто бы в момент максимальной угрозы «вся жизнь в одно мгновение промелькнула у них перед глазами». Критикуется сложившаяся методология исследования МЖО на основе ретроспективных отчетов, так как она не позволяет диссоциировать механизмы переживания МЖО и воспоминания о нем. Фиксируется противоречивость литературных данных об условиях возникновения, составе и последствиях МЖО. Обосновывается понимание МЖО как мнемической иллюзии, связанной с взаимодействием трех факторов: 1) специфического модуса работы автобиографической памяти в условиях сильного стресса; 2) культурного образца переживания МЖО; 3) языковых средств перекодирования образа памяти в ретроспективное описание. Разработку метода имитации феномена МЖО в лабораторных условиях предлагается провести на основе генетического эксперимента в рамках методологии культурно-исторического подхода Л.С.Выготского.

Ключевые слова: мгновенный жизненный обзор, автобиографическая память, рабочая память, параллельная переработка информации, ложные воспоминания, мнемические иллюзии, генетический эксперимент, Л.С.Выготский, культурно-исторический подход

Приращение психологического знания во многом связано с ростом притязаний на исследование все более широкого круга проблем, которые требуют особой методологической работы по переводу из сферы обыденного сознания в пространство научного мышления. Как отмечает А.В.Юревич, «История социогуманитарных дисциплин выглядит... не столько как траектория накопления знаний, сколько как траектория накопления изучаемых проблем» [Юревич, 2009, с. 155]. Ученые, вступающие на путь демистификации узурпированных псевдонаукой феноменов памяти, опровергают известный тезис из провокационного доклада У.Найссера 1978 г.: «если X является интересным или социально значимым аспектом памяти, тогда психологи едва ли когда-либо изучали X» [Найссер, 2005, с. 14]. Примерами экспансии психологии мнемических процессов в область нетрадиционных проблем, вызывающих дискуссии о самой возможности их научного понимания, могут служить исследования эффекта «верчения на кончике языка» – особого переживания обладания информацией без ее воспроизведения [Brown, McNeill, 1966; Аллахвердов, 2006] и «дежавю» – эффекта ложного переживания знакомости новой ситуации [Roediger, McDermott, 1995; Brown, 2004].

Целью данной статьи является обоснование правомерности включения в поле проблематики психологии памяти явления Мгновенного жизненного обзора (далее – МЖО), которое до сих пор остается за рамками научного мейнстрима, но при этом обладает высокой ценностной нагрузкой в обыденном сознании, а также анализ перспектив его научного познания. Суть МЖО заключается в том, что, вспоминая об экстремальных ситуациях, люди иногда утверждают, будто бы в момент

максимальной угрозы «вся жизнь промелькнула у них перед глазами». Каков онтологический статус данного феномена? Представляет ли МЖО реальный мнемический опыт? Действительно ли человеческая память обладает способностью «вспомнить все»? Не является ли МЖО языковой метафорой, при помощи которой ретроспективно означиваются экстраординарные стрессовые переживания? В какой мере современное состояние психологии позволяет научно освоить этот феномен без привлечения внерациональных объяснительных конструктов?

Вненаучные представления о феномене Мгновенного жизненного обзора

Широкий интерес к обсуждаемому явлению привлекла книга Р.Моуди «Жизнь после жизни», где феномен МЖО описан так: «Умиравший человек видит панорамный обзор своей прошлой жизни. Эти воспоминания объемны и следуют в хронологическом порядке с невероятной быстротой. Человек снова переживает эмоции и чувства своего прошлого» [Moody, 1975, с. 68]. Запрос «МЖО» в русскоязычной поисковой системе Интернета www.yandex.ru дает 985 тыс. ссылок, в англоязычной www.google.com – почти 7 млн ссылок. Рассказывая об экстремальных событиях, люди ссылаются на опыт МЖО как на нечто само собой разумеющееся, всем известное. Описание данного явления также нашло свое отражение в художественной и автобиографической литературе. Распространенность концепта МЖО подтверждается апелляцией к нему даже создателей рекламы. Так, рекламное агентство Saatchi & Saatchi, используя слоган: “Don't let your life flash before you... Slow Down” («Не допусти, чтобы твоя жизнь промелькнула у тебя перед глазами... Притормози»), призывает ограничивать скорость автомобилей. В рекламе пива Heineken падающая с полки бутылка «переживает МЖО» (URL: <http://www.adme.ru/creativity/2009/03/03/34082>). Проведенный нами опрос 123 студентов-психологов вузов показал, что 66% из них уверены, что эффект МЖО является неотъемлемым компонентом переживания сильного стресса [1].

В настоящее время феномен МЖО узурпирован представителями псевдонауки. Наиболее полная коллекция самоотчетов о МЖО содержится на сайте The Institute for Afterlife Research (Института изучения загробной жизни, Ирландия; URL: <http://www.mikepettigrew.com/afterlife/index.html>). Однако работы по данной проблематике ведутся и в стенах университетов. На сайте созданного для этих целей Near Death Experience Research Foundation (Фонд исследований околосмертного опыта; URL: <http://www.nderf.org>) находится более 1800 рассказов о необычных психических состояниях, в числе которых есть и описания МЖО. За последние 40 лет за рубежом опубликовано более 800 статей и книг, где описываются ситуации возникновения МЖО, его распространенность, состав и последствия [Holden, Christian, 2005], разрабатываются классификации самоотчетов людей, признающих у себя опыт МЖО [Моуди, 1975; Kübler-Ross, 1974; Noyes, Kletti, 1977; Sabom, 1982; и др.]. В отечественной науке исследования феномена МЖО до сих пор не проводились.

Традиция рассмотрения Мгновенного жизненного обзора как компонента околосмертного опыта

Сложилась устойчивая традиция рассматривать МЖО в качестве компонента околосмертного опыта (Near Death Experience) наряду с такими эффектами, как «свет в конце туннеля», «выход из тела», «общение с высшими существами» и др. Этот контекст ведет к пониманию МЖО как мистического опыта, подтверждающего функционирование сознания вне связи с деятельностью мозга. Такая интерпретация наследует (зачастую имплицитно для авторов) сформировавшемуся в средневековой Европе взгляду на скрытые от наблюдателей этапы процесса умирания. Например, религиозно-мистическое учение розенкрейцеров (XVII–XVIII вв.) содержало представление о переходном этапе между жизнью и смертью, суть которого заключалась в сжатом «перепроживании» завершённой жизни [Гендель, 2004, с. 168]. Популярность приобрело также предание о так называемых мытарствах души, записанных Григорием, учеником преподобного Василия Нового, на основании своего видения

о посмертной судьбе преподобной Феодоры Цареградской, согласно которому, после смерти тела душе последовательно предъявляются эпизоды земной жизни, связанные с определенными грехами [Догматическое богословие ... , 1857, с. 244–245].

Таким образом, в религиозном сознании МЖО имеет статус разворачивающегося на фоне разрушения связи между душой и телом процесса, необходимого для оценки прожитой жизни в свете соответствия религиозным нормам. Понятно, что эта гипотеза о возникновении и функциях МЖО не может быть подвергнута научной верификации и представляет собой явление веры.

Рассказ о переживании МЖО, так же как и любое другое автобиографическое воспоминание, представляет собой нарратив, построенный по определенным культурой схемам [Bernstein et al., 2011]. Следовательно, изучение присутствующих в культуре моделей описания столь специфичного мнемического феномена может раскрыть тот корпус референтных социальных представлений, которые интериоризируются в процессе религиозного (или парарелигиозного) воспитания и служат «идеальной формой» для означивания и осознания выходящего за пределы обыденного опыта психологического состояния, возникающего в момент максимальной опасности (при угрозе жизни).

В поддержку утверждения о культурной детерминации нарратива о МЖО говорит и тот факт, что опыт МЖО далеко не всегда связан с терминальными состояниями. О наличии МЖО с равной частотой сообщают как те пациенты кардиологической клиники, которые реально были на грани жизни и смерти, так и те, которые были убеждены в этом вопреки мнению врачей [Owens et al., 1990]. Для возникновения эффекта достаточно субъективной интерпретации ситуации как угрожающей жизни [Gabbard et al., 1981; Stevenson et al., 1990]. Симптомы МЖО возникают и при «психоделическом опыте». Примером может служить отчет пациента после приема ЛСД: «Все, из чего состояла моя жизнь, было показано мне... Воспоминания, тысячи воспоминаний...» [Гроф, Хэлифакс, 1996, с. 103].

Распространенность феномена Мгновенного жизненного обзора

Какова частота отчетов о переживании МЖО? «Эпидемиологическое» исследование фонда Гэллапа в США [Gallup, 1992] показало, что из 15 млн опрошенных около 1,7% подтвердили наличие опыта «мгновенной панорамы прошлого». Сходные результаты дали телефонные и Интернет-опросы в Германии (1,3%) и Австралии (2,7%) [Perera et al., 2005][2]. Имеются данные о культурной специфике распространения МЖО. Мета-анализ 11 исследований показал, что «классические» (сходные с европейскими) описания МЖО есть только у китайцев и японцев при полном отсутствии подобного опыта в африканских культурах [Augustine, 2008], а индусы и тайцы, отрицая в структуре МЖО наличие воспоминаний-эпизодов, говорят о чтении письменных свидетельств своей прошлой жизни [Murphy, 1999; Pasricha, Stevenson, 1986].

Исследования пациентов, перенесших инфаркт миокарда или клиническую смерть, дали результаты свидетельств о МЖО в диапазоне от 4 до 18% [Knoblauch et al., 2001; Lommel et al., 2001]. По данным опроса 350 респондентов, сообщивших о тех или иных околосмертных переживаниях, лишь 15% из них признавали наличие МЖО [Fenwicks, 2007].

Состав феномена Мгновенного жизненного обзора

При включении в развернутое автобиографическое интервью (220 респондентов) вопроса о наличии опыта МЖО мы получили 16% положительных ответов. Приведем выдержки из протоколов[3].

Исп. В.А. (26 лет): «В момент, когда лист жести упал с девятого этажа на расстоянии 20 см от меня ... очень четко вспомнились яркие моменты прошлой жизни, и стало понятно, что

это все могло закончиться».

Исп. З.А.Ю. (48 лет): *«Не более 10 секунд я балансировала на грани падения с большой высоты. И я сначала представила себе свое падение и удар об землю, а потом мгновенно внутри меня пробежала моя жизнь, но не в картинках, а как бы в ощущениях, очень обобщенных для каждого периода жизни».*

Исп. Т.О.П. (49 лет): *«Чечня, 1999 г. Подрыв автомобиля. Всего прошлого не видел, пролетели в основном эпизоды с близкими людьми».*

Исп. О.О. (23 года): *«Меня чуть не сбило машиной. Я смотрела на приближающуюся машину и вместо того, чтобы что-то делать, начала эмоционально ощущать свою жизнь: вот я маленькая, расту, переживаю какие-то события, бывшие в прошлом. Зрительный образ – приближающаяся машина, а вот эмоционально – жизнь».*

Исп. А.О. (25 лет): *«Вдруг стали проявляться картины детства, которые затем переросли в фильм. Кадры менялись один за одним. Я даже не успевала их рассмотреть. После этого переосмыслила собственную жизнь».*

Исп. Н.Е.О. (32 года): *«Экстремальная ситуация, случившаяся со мной в возрасте 14 лет, когда я упала с лодки в воду, нырять я не умела... И вот за эти несколько секунд вся моя предыдущая жизнь (не такая уж и большая) промелькнула кадриками – детство, мама, школа, друзья».*

Исп. Щ.А. (47 лет): *«Я была в автомобильной аварии. Время реальное остановилось. И включилось иное время – концентрированное, ясное, живое. Вся моя жизнь промелькнула перед внутренним взором как клип. Процесс настолько поглощающий и глобальный, что трагичность произошедшей ситуации уже не имела значения».*

Исп. М.О. (46 лет): *«Это было в детстве на реке. Я тонул... И в этот момент вместо того, чтобы кричать о помощи, я видел свою жизнь объемно. Почувствовал, как событийные нити напряглись, и понял – умирать не готов! Это знание придало сил, и я всплыл».*

Исп. К.А. (26 лет): *«При подъеме на ледник у меня соскочила кошка, и я полетела в пропасть. Только в последний момент мне удалось ногами ухватиться за камень и воткнуть в снег ледоруб. Всё это заняло не более 5–7 секунд, но за это время у меня перед глазами ярко промелькнули самые разнообразные картинки из моей жизни, причем многие напоминали ситуации, про которые я бы в обычное время, скорее всего, и не вспомнила».*

Сведения о составе МЖО достаточно противоречивы. Респонденты с сопоставимой частотой используют метафоры «фильма», «слайд-шоу», «клипа», «панорамы» («все события жизни словно происходят одновременно»), образов значимых других («вспомнились разные события в жизни: забота отца во время болезни мамы, забота отца о детях, их воспитание»), «перед глазами у меня промелькнули мои дети»), эмоционального переживания целостности жизни. Последовательность воспоминаний может быть прямой, обратной, нелинейной, панорамной (голографической).

Дискуссионным оказывается и вопрос о типе воспоминаний, которые составляют МЖО. Согласно традиционному взгляду, инспирированному книгой Моуди, в МЖО включаются наиболее значимые эпизоды прошлого, что кажется логичным, если признавать за этим феноменом функциональность – оценку пройденного жизненного пути, интеграцию человека с его жизненной историей. Однако, по данным супругов Фенвик, случайные и значимые воспоминания включаются в МЖО с равной частотой [Fenwick, Fenwick, 1997, p. 116], а С.Блэкмор считает воспоминания в составе МЖО и вовсе «случайными» [Blackmore, 1993].

Преодолеть это противоречие, на наш взгляд, можно, опираясь на концепцию «подлинных воспоминаний» Л.Повеля, в которой проблематизируется обыденное толкование того, какие воспоминания следует считать важными, а какие – «случайными». Приведем цитату: «Иногда замечаешь, как сильные воспоминания формируются почти из ничего... Как правило, это не был момент, “значимый” для моей судьбы. Это никогда не были мгновения, о которых следовало бы

вспомнить, чтобы подытожить ход моей жизни или рассказать кому-нибудь о ее основных событиях... И вот теперь мне объясняли что у меня две памяти: истинная и ложная. Истинная память запечатлевает эти необъяснимые минуты. Ложная – та, которой я пользовался обычно, которой пользуемся мы все... эти мгновения, не будучи важными для хода моей дальнейшей судьбы... всегда будут готовы выплыть из глубин моего сознания – даже на пороге вечности. Именно эти, а не другие воспоминания проходят перед нашими глазами в час смерти, и знаменитая память умирающих, “в один миг переживающих всю свою прежнюю жизнь”, и является, по-видимому, проявлением нашей истинной памяти. Они вновь проживают то, что было прожито вне времени, прежде чем войти в вечность... И поэтому, когда мы испускаем последний вздох, перед нашим взором проходят эти единственно подлинные моменты, единственное наше достояние» [Повель, 1998, с. 69–70).

Признание в качестве содержания МЖО воспоминаний, которые значимы для выстраивания социальной биографии (гипотеза Моуди) или для переживания глубоко интимной целостности личности (гипотеза Повеля), не меняют общей рамки обсуждения МЖО как реального мнемического опыта, однако задают два разнонаправленных вектора исследовательской работы.

Эмоциональная насыщенность содержаний Мгновенного жизненного обзора

Установлено, что опыт МЖО вспоминается преимущественно в позитивных терминах, вопреки тому, что ситуация его возникновения является высоко травмирующей [Atwater, 2008]. Однако не менее 18% респондентов связывают опыт МЖО с тяжелыми эмоциональными переживаниями, что обусловлено субъективной интерпретацией просмотра событий прошлого как «суда» [Rommer, 2000]. Барбара Роммер считает, что преобладание позитивных отчетов связано с коммуникативными причинами – достоянием исследователей становятся только те случаи, которыми респонденты готовы поделиться. Негативный опыт МЖО может сохраняться в сфере невысказанного и/или легче поддаваться вытеснению из сознания.

Психологические последствия переживания Мгновенного жизненного обзора

Накапливаются данные о том, что опыт Мгновенного жизненного обзора ведет к важным психологическим последствиям.

При обследовании 215 пациентов, переживших МЖО во время клинической смерти, установлено, что у них произошло значительное снижение страха смерти, повышение чувства цельности своей личности, уникальности и ценности человеческой жизни в целом [Noyes, 1982–83].

В исследовании Г.Грот-Марната и Р.Саммерса сравнивались группы выживших в угрожающих жизни инцидентах, различающиеся по наличию у них МЖО. Дополнительно привлекались оценки друзей и родственников. У сообщивших о МЖО зафиксированы значимые личностные изменения, заключавшиеся в снижении страха смерти и интереса к материальной стороне жизни, повышении веры в загробную жизнь, самооценки и готовности заботиться о других. Степень развернутости МЖО позитивно коррелировала с глубиной указанных изменений [Groth-Marnat, Summers, 1998].

Аналогичные данные дал анализ отсроченных (через два года и через восемь лет) личностных изменений при инфаркте: пациенты, пережившие МЖО, демонстрировали более высокий уровень эмпатии и принятия окружающих, жизнерадостность и меньший страх смерти [Lommel et al., 2001].

Опыт МЖО связывают с повышением уровня креативности [Atwater, 2008]. Отметим, однако, что причинно-следственная связь в данном случае не может быть установлена: возможно, креативные люди с богатым воображением более склонны к актуализации подобных психических состояний.

Таким образом, феномен МЖО является результатом включения механизма финальной интеграции личного опыта, что дает переживание целостности личности и, как следствие, повышение уровня функционирования всех систем организма – «полная собранность перед полной погильею» [Набоков, 1999, с. 79], позволяющее выжить. Отсюда возникает закономерный вопрос об атрибутировании МЖО процессам умирания или, напротив, выживания. Кстати, этот вопрос касается и всех других феноменов, связываемых с околосмертными состояниями.

Подходы к интерпретации феномена Мгновенного жизненного обзора

Со времени выхода в 1975 г. книги Р.Моуди был предложен ряд физиологических моделей объяснения околосмертных переживаний. Обсуждаются гипотезы, связывающие появление этих необычных состояний с выбросом нейропротекторов – кетаминов, дисфункцией лобных долей, в частности в области силвиевой борозды, кислородным голоданием и пр. [Holden et al., 2009]. Среди психологических гипотез наиболее признаны гипотеза диссоциации, согласно которой феноменология околосмертного опыта представляет собой род психологической защиты, и гипотеза регрессии, предполагающая симметрию переживаний процессов рождения и умирания [French, 2001]. Указанные гипотезы достаточно хорошо объясняют явления «выхода из тела», «встречи со светящимся существом» и «эффект туннеля», но ни одна из них, по нашему мнению, не приближает к пониманию механизмов МЖО.

Проводится аналогия МЖО с симптомами продолжительной сенсорной депривации: угроза гибели инициирует параллельное сканирование автобиографической системы памяти, что ведет к необыкновенным парамнестическим явлениям [Kinseher, 2008]. Очевидно, что поддержка данной гипотезы требует, во-первых, допустить факт хранения всего пережитого опыта в системах памяти, что далеко от общепринятой позиции, и, во-вторых, ставит вопрос о процедурах реализации параллельной стратегии извлечения и осознания информации. Признание реальности МЖО бросает вызов известным теориям памяти, так как требует пересмотра модели рабочей памяти как ограниченного вместилища информации, оперирующего путем последовательного сканирования информационных единиц [Баддли и др., 2011].

В заключение отметим, что неожиданную популярность сохраняет и трансцендентальная (сувирвалистская) гипотеза МЖО как свидетельства принципиальной возможности независимого от тела функционирования сознания и, как следствие, – загробной жизни. Именно эта гипотеза привлекла обширные научные силы и финансирование в рамках проекта «Сознание» (AWARE)[\[4\]](#), который был представлен на специальном заседании ООН в Нью-Йорке в сентябре 2008 г.

Таким образом, на сегодняшний день исследования МЖО представляют собой пространство противоречивых мнений, основанных на ретроспективных отчетах респондентов и поэтому вызывающих вполне очевидную критику[\[5\]](#). Можно ли предложить методологическую оптику, которая позволит преодолеть сложившуюся ситуацию и придать феномену МЖО статус уважаемой научной проблемы? Приведем основания для положительного решения данного вопроса и наметим эскиз адекватной научно-исследовательской программы.

Проект научно-исследовательской программы лабораторного моделирования феномена Мгновенного жизненного обзора

Поскольку субъективный отчет представляет собой двойное воспоминание (человек вспоминает свой опыт переживания МЖО в прошлом), в первую очередь необходимо разделение двух смешанных в исследованиях переменных – мнемического опыта МЖО как такового и отсроченного воспоминания о пережитом МЖО.

Отметим, что пока не существует методики фиксации МЖО в момент его протекания, но с этой точки зрения МЖО не является уникальным феноменом. В аналогичном положении находятся и исследователи сновидений. Можно ли установить, что человек видел тогда, когда он смотрел сон, а не тогда, когда вспоминает о том, что видел?

На наш взгляд, перспективной линией изучения таких процессов является попытка воссоздания их в лабораторных условиях. Данный подход базируется на одном из основополагающих принципов психологии – принципе развития [Корнилова, Смирнов, 2006], согласно которому познание психического явления требует раскрытия условий и причин его возникновения, а также факторов и форм его преобразования.

Наиболее продуктивным для анализа МЖО может стать вариант эксперимента в русле идей культурно-исторического подхода Л.С.Выготского, предполагающий «анализ генетический, возвращающийся к исходной точке и восстанавливающий все процессы развития какой-нибудь формы, которая в данном виде является психологической окаменелостью» [Выготский, 1983, с. 100]. Именно в этой логике раскрыта сущность внимания как механизма внутреннего самоконтроля [Гальперин, 1974]. На сходном основании удалось достичь в лаборатории переживания дежавю, вызванного механизмом укрупнения семантических единиц [Roediger, McDermott, 1995]. Следовательно, будущие исследования МЖО должны базироваться на методе его лабораторного моделирования.

Модельные требования к искусственно вызванному состоянию Мгновенного жизненного обзора

Создание генетической методики моделирования МЖО как иллюзорного тотального автобиографического воспоминания предполагает необходимость операционализации ряда устойчиво упоминающихся признаков этого состояния: 1) атрибуции прошлому, то есть ретроспективности; 2) субъективного «растяжения» времени; 3) перцептивной яркости образов прошлого; 4) вариативности временного вектора развертывания воспоминаний, которая вызвана необходимостью перекодирования симультанного образа в последовательность развертывания вербального описания; 5) смысловой насыщенности мнемического переживания; 6) состояния внутренней мобилизации.

Один из ярких парадоксов МЖО заключается в несоответствии объективно краткого времени протекания при субъективно максимальном растяжении времени: при продолжительности МЖО не более нескольких минут возникает чувство повторного проживания жизни в целом. Уместно провести аналогию выхода из состояния МЖО с моментом пробуждения, когда завершившееся сновидение кажется чрезвычайно продолжительным. Как известно, установление иллюзорности субъективной длительности сновидения связано с обнаружением бета-ритмов, характеризующих состояние быстроволнового сна. Можно предположить, что индукция бета-ритмов способна обеспечить готовность испытуемого к временной компрессии.

Известно, что переоценка длительности связана с уровнем когнитивной нагрузки на психику (см. обзор работ по восприятию временных интервалов: [Гусев, 2007]). Безусловно, МЖО возникает в состоянии предельной перегрузки сознания, во-первых, требованиями угрожающей ситуации и, во-вторых, процессом поиска в автобиографической памяти адекватных ответов о способах преодоления угрозы. Логично допустить, что в состоянии МЖО происходит краткое и крайне энергетически затратное переключение сознания с режима последовательной в режим параллельной переработки информации. На возможность такого модуса работы сознания указывают когнитивные психологи (см. работы Дж.Сперлинга, Н.Морея, Д.Дойч, А.Дойча, Д.Канемана, Д.Нормана и др.), обнаружившие признаки параллельной переработки информации [Когнитивная ... , 2011].

Поддержка данной гипотезы не требует допущения того, чтобы в рамках МЖО в сознании актуализировалось всё содержание автобиографической памяти. Скорее следует предположить параллельную актуализацию относительно небольшой по объему, но максимальной по смысловой

насыщенности совокупности наиболее значимых для интеграции личности перед лицом угрожающей ситуации воспоминаний. Такими воспоминаниями, с помощью которых задается и удерживается целостность и самоидентичность личности, являются «переломные воспоминания», то есть воспоминания о событиях прошлого, с которыми субъект связывает резкие качественные изменения своей личности [Нуркова, 2000, 2009, 2010]. Одновременно «переломные» воспоминания задают базис временной матрицы организации автобиографической памяти и определяют субъективную локализацию событий жизни на временной оси, оценку их как «далеких» и «близких» [Нуркова и др., 2005; Mitina, Nurkova, 2004].

Подчеркнем, что субъективная значимость воспоминаний может не совпадать с социально заданной «биографической» схемой (см. рассуждение Л.Повеля выше). Дополнительным аргументом в пользу этого предположения является и тот факт, что лишь 7 ± 2 автобиографических воспоминания устойчиво оцениваются людьми как переломные, что соотносимо с представлениями Вундта и Миллера об объеме доступной для одновременной переработки в сознании информации [Когнитивная ... , 2011]. Следовательно, согласно нашей гипотезе, лабораторное моделирование МЖО требует индуцировать одномоментную репрезентацию в сознании испытуемого совокупности переломных воспоминаний, что должно привести к иллюзии тотального воспоминания прожитой жизни.

Поскольку фундаментальной характеристикой опыта МЖО является его осознанность, необходимо, чтобы форма стимульного материала была экологична по отношению к оперантам сознания. В связи с этим мы предлагаем предъявлять индивидуальную для каждого испытуемого совокупность воспоминаний в вербальной аудиальной форме [Nourkova, Nikitin, 2010, 2011]. Дополнительным основанием для этого являются данные о наличии звуковых компонентов образа в 80% отчетов респондентов, имевших опыт МЖО [Greyson, Liester, 2004]. На параллельный модус работы сознания именно со звучащей речью указывают эксперименты Н.Морея [Когнитивная ... , 2011]. При бинауральном предъявлении четырех звуковых сообщений, если от испытуемого требовалось воспроизвести эти сообщения, он не справлялся с задачей, однако при применении методики частичного отчета Дж.Сперлинга на интервалах до трех секунд задача успешно решалась. Отсюда мы полагаем, что при параллельном предъявлении нескольких каналов узнаваемых для респондента описаний переломных воспоминаний, он будет способен имплицитно осознать содержание каждого из них и сформировать целостный («голографический») образ, интегрирующий содержание сообщений, что создаст иллюзию «оживания» всей истории жизни.

И, наконец, если МЖО существует как реальный мнемический опыт, то у человека в данном состоянии должны произвольно возникать дополнительные образы прошлого. Причем панорама прошлого переживается диссоциативно, то есть человеку кажется, будто кто-то иной показывает ему эти картины. Поэтому мы считаем, что стимульный текст должен звучать голосом самого испытуемого и, очевидно, по возможности моделировать характеристики внутренней (а не внешней) речи. Соответственно, требуется разработка алгоритма изменения частотных характеристик аудиозаписи для превращения звучащей внешней речи в субъективно «внутреннюю».

Таким образом, мы полагаем, что при предъявлении стимульного материала, созданного с учетом описанных выше положений, может быть достигнуто мнемическое переживание по субъективному отчету сходное с феноменом МЖО. Достижение искомого эффекта в лабораторных условиях (желательно с контролем электроэнцефалограммы) явится подтверждением гипотезы о существовании МЖО как реального мнемического феномена, безусловно, не полностью тождественного воспроизведению всей эмпирики жизненного опыта субъекта.

Мгновенный жизненный обзор и проблема ложных воспоминаний

Перейдем теперь к анализу альтернативной гипотезы о том, что МЖО – это ретроспективный артефакт, род ложного воспоминания, которое формируется при отсроченном означивании необычного состояния сознания, спровоцированного сильнейшим стрессом.

Сравним содержание данной гипотезы с механизмом действия суеверий. При отсроченном воспроизведении ситуации прошлого субъект селективно выбирает ключевой компонент, совпадающий с известной ему приметой, гиперболизирует его и устанавливает субъективно достоверное, но объективно ошибочное описание события («Я провалилась на экзамене – должно быть, мне дорогу перебежала черная кошка – возле дома я видела черную кошку») и аналогично этому: «Я пережил угрожающую моей жизни ситуацию – перед смертью люди видят всю свою прошлую жизнь – я видел всю свою прошлую жизнь»). Если принять подобную гипотезу в качестве рабочей, то следует направить внимание на культурные образцы, потенциально формирующие процесс создания нарратива о МЖО. Возможно, что, создавая нарратив о критической ситуации, человек ретроспективно организует его в терминологии известного ему концепта МЖО, что облегчается фрагментарностью и спутанностью воспоминаний о стрессовых событиях [Loftus, 1995].

Возможность «имплантации» неавтобиографической по своему характеру информации (в нашем случае – знаний о существовании МЖО) в подструктуру автобиографической памяти определяется механизмом ложной атрибуции источника воспоминания (Source Monitoring Failure), при актуализации которого достаточно точно воспроизводится фрагмент ранее запечатленной информации, но возникает ошибка в установлении обстоятельств ее получения [Johnson et al., 1993]. Создается иллюзия «знакомости» материала, которая ложно распознается как личное «воспоминание» о пережитом опыте. К настоящему времени выявлен ряд факторов, которые повышают вероятность срабатывания данного механизма [Нуркова, 2008]. Максимальная вероятность ошибки наблюдается в том случае, когда: 1) информация запоминается произвольно; 2) информация подвергается глубокой переработке; 3) у субъекта возникает чувство знакомости материала; 4) имеет место акт мысленной реконструкции события; 5) авторитетный источник утверждает, что событие имело место в реальности; 6) событие воспринимается как высоковероятное; 7) информация относится к «субъективному прошлому»; 8) субъект работает с материалом, структурированным как биографический; 9) контекст кодирования и контекст извлечения информации не совпадают.

Очевидно, что процесс воспоминания о критической ситуации включает в себя все упомянутые выше факторы. Так, среди 326 случайно выбранных психологов 72% оценили вероятность МЖО как весьма высокую [Walker, Russell, 1989]. Как уже указывалось выше, 66% российских студентов-психологов считают МЖО нормальной реакцией на сильный стресс. В исследовании 506 медицинских сестер, работающих с тяжелыми больными, выявлено, что 86% из них считают околосмертный опыт, включая МЖО, нормальным явлением (при этом 70% сочли, что данные переживания полезны) [Moore, 2010]. Таким образом, психологи и медицинский персонал больниц являются авторитетными для пациентов трансляторами культурного образца МЖО.

Следует учитывать также мировоззренческие и личностные особенности людей, которые чувствительны к принятию описаний МЖО как интерпретационной матрицы для своего опыта. Обнаружено, что пациенты кардиологической клиники, которые признавали наличие у них МЖО, отличались склонностью к различным формам потери сознания и признанием паранормального опыта в предшествующие периоды жизни [Greyson, 2003]. Группа китайских авторов [Lai et al., 2007] установила, что пациенты, проходящие гемодиализ и практикующие религиозные ритуалы, более склонны признавать наличие всех компонентов околосмертного опыта, включая МЖО. Возможен вклад мотивационного искажения логичности мышления, связанный с желательностью признания данного опыта как подтверждения загробного бытия. При предъявлении респондентам описания околосмертного опыта 57% утверждали, что ознакомились с доказательствами жизни после смерти [Kellehear, Heaven, 1989].

Таким образом, важным аспектом исследований МЖО оказывается выявление культурной обусловленности переживания и ретроспекции этого феномена, раскрытие мотивационных факторов использования его культурных референтов. В рамках эмпирической поддержки гипотезы о зависимости описаний МЖО от степени овладения культурными практиками конструирования особой формы таких тематических нарративов следует изучить источники, представляющие собой культурные матрицы структуры и содержания феномена МЖО. Можно предположить, что ретроспективное конструирование опыта МЖО имеет несопадающую мотивационную основу у людей, исповедующих разные религии, что должно проявиться в специфике самоотчетов о переживании МЖО. У религиозных людей актуализация МЖО мотивирована ценностью получения посмертного воздаяния и опосредствована интериоризованной практикой церковной исповеди,

вследствие чего структура «панорамы прошлого» должна представлять собой сопоставление грехов и добрых дел. У людей с атеистическим мировоззрением актуализация МЖО связана с мотивом физического выживания, вследствие чего структура «панорамы прошлого» должна представлять собой совокупность мобилизующих и утешительных воспоминаний. В экспериментальном исследовании в качестве независимой переменной должна учитываться степень информированности об условиях возникновения, составе и функциях МЖО.

Нельзя упускать из виду и возможность противоположного процесса – МЖО может быть не только неосознанно сконструирован, но и ретроспективно забыт. Данные по этому вопросу противоречивы. Так, зафиксировано значительное количество фактов отказа от утверждений о наличии МЖО в течение двухлетнего периода после перенесенного инфаркта миокарда [French, 2001, Lommel, 2001]. Напротив, Д.Лестер не обнаружил влияния временного интервала между спровоцировавшим МЖО событием и частотой самоотчета о наличии данного опыта [Lester, 2003]. Б.Грейсон, разработавший шкалу выраженности околосмертных переживаний, основываясь на результатах тестирования 72 респондентов с двадцатилетним интервалом, не установил значимых различий между результатами первого и повторного тестирования [Greyson, 2007]. Кратко основной вопрос исследования данного автора можно было бы сформулировать так: насколько хорошо люди помнят о том, что вспоминали 20 лет назад?

Заключение

Итак, феномен Мгновенного жизненного обзора, то есть кратковременного гипермнестического переживания автобиографических содержаний, возникающего в условиях, оцениваемых субъектом как угроза жизни, заслуживает того, чтобы стать объектом изучения в научной психологии. Отметим, что тенденция считать МЖО исключительно ложным воспоминанием наталкивается на высочайшую степень уверенности людей в достоверности данного опыта, безусловном признании факта его переживания. Ситуация осложнена и философско-религиозными коннотациями, задающими контекст отношения к МЖО.

Главным препятствием к исследованию МЖО являются экстраординарные условия его возникновения и комплексный характер детерминации. Поскольку сам процесс свершения МЖО не может быть зафиксирован с учетом требований экологичности условий, все данные о нем черпаются из ретроспективных самоотчетов. Исследователи имеют дело с воспоминанием о воспоминании, что критически ограничивает диссоциацию механизмов памяти, гипотетически обеспечивающих возможность переживания МЖО, и механизмов памяти, обеспечивающих хранение и воспроизведение воспоминания о нем.

В рамках устоявшихся моделей памяти явление МЖО не может получить онтологического статуса, так как ограниченный объем сознания не должен позволять одновременно оперировать более чем с девятью единицами информации. Осознание всего содержания автобиографической памяти личностью за фиксированный интервал времени с позиций современных теорий памяти должно быть либо признано нереализуемым, либо следует обнаружить мнемические механизмы возникновения иллюзии МЖО.

В качестве основного механизма, определяющего феномен МЖО, мы предлагаем рассматривать механизм быстрого сканирования (актуализации в сознании) совокупности «переломных» воспоминаний, задающих структуру временной организации автобиографической памяти и обеспечивающих переживание временной самотождественности личности (идентичности).

Суть нашей позиции заключается в том, что эффект МЖО представляет собой результат взаимодействия как минимум четырех факторов: 1) культурного образца МЖО, присваиваемого личностью из различных источников; 2) специфического модуса работы автобиографической памяти в условиях угрозы жизни, состоящего в быстрой актуализации (сканировании) системы «переломных» автобиографических воспоминаний, что позволяет решить задачу диахронической интеграции личности с целью достижения предельно эффективного уровня ее функционирования; 3) вариативной мотивации включения факта МЖО в личный опыт; 4) языковых средств

перекодирования симультанного образа памяти в сукцессивное вербальное описание (рассказ).

Преодоление тупика в исследованиях МЖО видится нам в попытке изолировать все описанные выше факторы и изучить их в рамках реализации предложенной научно-исследовательской программы, построенной на принципах генетического эксперимента, имеющего целью искусственное моделирование феномена МЖО в контролируемых лабораторных условиях.

Финансирование

Исследование выполнено в рамках гранта президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – докторов наук, проект МД-3423.2011.6.

Литература

Аллахвердов В.М. Экспериментальная психология познания: когнитивная логика сознательного и бессознательного. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2006.

Баддли А., Айзенк М., Андерсон М. [Baddely A., Eysenck M.W., Anderson M.C.] Память / пер. с англ. под научн. ред. Т.Н.Резниковой. СПб.: Питер, 2011.

Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 3. Проблемы развития психики / под ред. А. М. Матюшкина. М.: Педагогика, 1983.

Гальперин П.Я., Кабыльницкая С.Л. Экспериментальное формирование внимания. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1974.

Гендель М. Космоконцепция Розенкрейцеров, или Мистическое христианство. М.: Профит Стайл, 2004.

Гроф С., Хэлифакс Дж. [Grof S., Halifax J.] Человек перед лицом смерти / пер. с англ. А.И.Неклесса. М.: Изд-во Трансперсонального ин-та, 1996.

Гусев А.Н. Ощущение и восприятие. Общая психология: в 7 т. Т. 2 / под ред. Б.С.Братуся. М.: Академия, 2007.

Догматическое богословие Православной Кафолической Восточной Церкви преосвященного Антония. 7-е изд. М., 1857.

Каплан Г.И. Клиническая психиатрия. М.: Медицина, 1994.

Когнитивная психология: история и современность: хрестоматия: пер. с англ. / под ред. М.Фаликман и В.Спиридонова. М.: Ломоносовъ, 2011.

Корнилова Т.В., Смирнов С.Д. Методологические основы психологии. М.: Юрайт-Издат, 2011.

Набоков В.В. Американский период. Собрание сочинений: в 5 т.: пер. с англ. / сост. С.Ильина, А.Кононова; коммент. С.Ильина, А.Люксембурга. СПб.: Симпозиум, 1999.

Найссер У. [Neisser U.] Память: какие вопросы важны? // Когнитивная психология памяти / пер. с англ.: С.Рысев, О.Исакова, П.Румянцева, А.Потапова / под ред. У.Найсера, А.Хаймена. СПб.; М.: Олма, 2005. С. 12–32.

Нуркова В.В. Свершенное продолжается: Психология автобиографической памяти личности. М.: Изд-во Ун-та РАО, 2000.

Нуркова В.В. Доверчивая память: Как информация включается в систему автобиографических знаний // Когнитивные исследования: сб. науч. тр. / отв. ред. В.Д.Соловьев, Т.В.Черниговская. М.: ИП

РАН, 2008. С. 87–102.

Нуркова В.В. Культурно-исторический подход к автобиографической памяти: дис. ... д-ра психол. наук. М., 2009.

Нуркова В.В. Диахроническая интеграция личности симультанным образом ресурсных воспоминаний // *Ананьевские чтения – 2010. Современные прикладные направления и проблемы психологии: материалы науч.-практ. конф.* СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2010. С. 583–585.

Нуркова В.В., Митина О.В., Янченко Е.В. Автобиографическая память: «Сгущения» в субъективной картине прошлого // *Психологический журнал.* 2005. Т. 26, N 2. С. 22–32

Повель Л. Мсье Гурджиев: материалы, свидетельства, тексты и комментарии. М.: Крон, 1998.

Юревич А.В. Интерпретативные традиции и параметры развития психологической науки // *Прогресс психологии: критерии и признаки / под ред. Журавлева А.Г., Марцинковской Т.Д., Юревича А.В.* М.: ИП РАН, 2009. С. 153–169.

Atwater P.M.H. Near-death states: A Transformation of Consciousness // *German Conference on Ecstatic States of Consciousness, May 23–25 2008, Hannover, Germany.* 2008. P. 72–93.

Augustine K. Hallucinatory Near-Death Experiences [Electronic resource].
URL: http://www.infidels.org/library/modern/keith_augustine/HNDEs.html#memories (date of access: 17.06.2011).

Bernstein D.M., Nourkova V., Loftus E.F. From individual memories to oral history // *Weinstein M.E. (Ed.). Encyclopedia of Psychology Research: in 3 vols.* New York: Nova Science Publishers, 2011. Vol. 1. P. 271–295.

Blackmore S.J. Dying to Live: Near-Death Experiences. Buffalo; New York: Prometheus, 1993.

Brown A.S. The déjà vu experience. New York: Psychology Press, 2004.

Brown R., McNeill D. The "tip-of-the-tongue" phenomenon // *Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior.* 1966. N 5. P. 325–337.

Fenwick P. Commentary on 'Near-Death Experiences with Hallucinatory Features' // *Journal of Near-Death Studies.* 2007. Vol. 26, N 1. P. 43–49.

Fenwick P., Fenwick E. The Truth in the Light: An Investigation of Over 300 Near-Death Experiences. New York: Berkley, 1997.

French C.C. Near-death experiences and the brain // *Murray C. (Ed.). Psychological Scientific Perspectives on Out-of-Body and Near-Death Experiences.* New York: Nova Science Publishers, 2009. P. 187–203.

Gabard G.O., Twemlow S.W., Jones F.C. Do 'Near-Death Experiences' Occur Only Near Death? // *Journal of Nervous and Mental Disease.* 1981. Vol. 169, N 6. P. 374–377.

Gallup G. The Gallup Poll: Public Opinion 1991. Wilmington: Scholarly Resources, 1992.

Greyson B. Incidence and correlates of near-death experiences in a cardiac care unit // *General hospital psychiatry.* 2003. N 25. P. 269–276.

Greyson B. Consistency of near-death experience accounts over two decades: are reports embellished over time? // *Resuscitation.* 2007. Vol. 73, N 3. P. 407–411.

Greyson B., Liester M.B. Internal voices following near-death experiences // *Journal of Humanistic Psychology.* 2004. N 44. P. 320–336.

Groth-Marnat G., Summers R. Altered Beliefs, Attitudes, and Behaviors Following Near-Death Experiences // *Journal of Humanistic Psychology*. 1998. Vol. 38, N 3. P. 110–125.

Holden J.M., Christian R. The Field of Near-Death Studies Through 2001: An Analysis of the periodical Literature // *Journal of Near-Death Studies*. 2005. Vol. 24, Issue 1. P. 21–34.

Holden J.M., Greyson B., James D. (Eds.). *Handbook of Near-Death Experiences*. Santa Barbara: Praeger Publishers, 2009.

Johnson M.K., Hashtroudi S., Lindsay D.S. Source monitoring // *Psychological Bulletin*. 1993. Vol. 114, N 1. P. 3–28.

Kellehear A., Heaven P. Community attitudes toward near-death experiences: An Australian study // *Journal of Near-Death Studies*. 1989. N 7. P. 165–172.

Kinseher R. *Verborgene Wurzeln des Glücks – selbstbeobachtbare Gehirnfunktion*. Norderstedt: BoD, 2008.

Knoblauch H., Schmied I., Schnettler B. Different kinds of Near-Death Experience: a report on a survey of near-death experiences in Germany // *Journal of Near-Death Studies*. 2001. N 20. P. 15–29.

Kübler-Ross E. *Questions and Answers on Death and Dying*. New York: Macmillan, 1974.

Lai C., Kao T., Wu M., Chiang S., Chang C., Lu C., Yang C., Yang C., Chang H., Lin S. Impact of near-death experiences on dialysis patients: a multicenter collaborative study // *American Journal of Kidney Diseases*. 2007. N 50. P. 124–132.

Loftus E.F., Pickrell J.E. The formation of false memories // *Psychiatric Annals*. 1995. Vol. 25, N 12. P. 720–725.

Lommel P. van, Wees R. van, Meyers V., Elfferich I. Near-Death Experience in Survivors of Cardiac Arrest: A prospective Study in the Netherlands // *The Lancet*. 2001. Vol. 358, N 9298. P. 2039–2045.

Mitina O., Nurkova V. (Nourkova V.). The use of fractal dimension calculation algorithm to determine the nature of autobiography memoirs [Electronic resource] // Minai A., Bar-Yam Y. (Eds.). *Proceedings of the Fifth International Conference on Complex Systems*. May 16–21, 2004. Boston, 2004.
URL: <http://www.necsi.edu/events/iccs/2004proceedings.html> Abstract Paper #132 (date of access: 17.06.2011).

Moody R. *Life after life*. St. Simons Island, GA :: Mockingbird, 1975.

Moore L. Perspectives of Nursing Faculty Toward Near-Death Experiences and Death Bed Visions [Electronic resource].
URL: http://www.amsn.org/practiceResearch/posterPresentations/2010/C31_Moore.pdf (date of access: 17.06.2011)

Murphy T. Near-Death Experiences in Thailand // *Journal of Near-Death Studies*. 2001. Vol. 19, N 3. P. 161–178.

Nourkova V., Nikitin K. Momentary life review: A metaphor? An experience? A false memory? // SARMAC Conference IX, June 27–29, 2011. Abstracts. New York: The Society for Applied Research in Memory and Cognition. 2011. P. 11.

Nourkova V., Nikitin K. New Method of Personal Integration: Simultaneous Audiopresentation of Person-changing Memories (SAPM) // *The XXVII International Congress of Applied Psychology*, July 11–16, 2010. Abstracts. Melbourne: The Society for Applied Psychology, 2010. P. 1043.

Nourkova V.V. A new topic for autobiographical memory research, not for spiritual speculation: Momentary

life review // Conference 'Theoretical Perspectives on Autobiographical Memory', June 13–16, 2010. Abstracts. Aarhus: Center for Autobiographical Memory Research, 2010. P. 45–48.

Noyes R. The Human Experience of Death or, What Can We Learn from Near-Death Experiences? // OMEGA: Journal of Death and Dying. 1982–83. Vol. 13, N 3. P. 251–259.

Noyes R., Kletti R. Panoramic memory: A response to the threat of death // OMEGA: Journal of Death and Dying. 1977. Vol. 8, N 3. P. 183–194.

Owens J.E., Cook E.W., Stevenson I. Features of the near-death experience in relation to whether or not patients were near death // The Lancet. 1990. Vol. 336, N 8724. P. 1175–1177.

Pasricha S., Stevenson I. Near-Death Experiences in India: A Preliminary Report // Journal of Nervous and Mental Disease. 1986. Vol. 174, N 3. P. 165–174.

Perera M., Padmasekara G., Belanti J. Prevalence of Near-Death Experiences in Australia // Journal of Near-Death Studies. 2005. Vol. 24, Issue 2. P. 109–116.

Roediger H.L., McDermott K.B. Creating false memories: Remembering words not presented in lists // Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory and Cognition. 1995. N 21. P. 803–814.

Rommer B.R. Blessing in disguise: Another side of the near-death experience. St.Paul: Lewellyn, 2000.

Sabom M. Recollections of death: A medical Investigation. New York: Harper and Row, 1982.

Stevenson I., Cook E.W., McClean-Rice N. Are Persons Reporting 'Near-Death Experiences' Really Near Death? A Study of Medical Records // OMEGA: Journal of Death and Dying. 1990. Vol. 20, N 1. P. 45–54.

Walker B.A. and Russell R.D. Assessing psychologists' knowledge and attitudes toward near-death phenomena // Journal of Near-Death Studies. 1989. N 8. P. 103–110.

Примечания

[1] Опрос проводился в рамках контрольной работы по общей психологии в форме теста с выбором в ноябре 2010.

[2] На первый взгляд, цифры невелики, однако многие явления, важность изучения которых общепризнанна, имеют схожие эпидемиологические характеристики. Например, сопоставимые цифры в 1,2% характеризуют распространение шизофрении в европейской популяции [Каплан, 1994].

[3] Исследование проведено в рамках дипломной работы на факультете психологии МГУ под нашим руководством К.С.Никитиным, 2009.

[4] Проект осуществляется под руководством Сэма Парниа (Sam Parnia), Питера Фенвика (Peter Fenwick), Стефана Холгейта (Stephen Holgate) и Роберта Певелера (Robert Peveler) на базе более 25 медицинских центров Европы, США и Канады.

[5] В упомянутом выше опросе Института Гэллага сообщается, что около четверти американцев уверены в том, что переживали случаи телепатического общения, что совершенно не дает оснований считать его реальностью. Аналогично уверенность в опыте МЖО, которая, кстати, встречается реже – не может быть аргументом в пользу признания действительного проживания тотального воспоминания.

Поступила в редакцию 25 мая 2011 г. Дата публикации: 18 августа 2011 г.

[Сведения об авторе](#)

Нуркова Вероника Валерьевна. Доктор психологических наук, доцент кафедры общей психологии, факультет психологии, Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова, ул. Моховая, д. 11, стр. 9, 125009 Москва, Россия.

E-mail: Nourkova@mail.ru

[Ссылка для цитирования](#)

Нуркова В.В. Мгновенный жизненный обзор. Метафора? Реальный мнемический опыт? Ретроспективный артефакт? К вопросу о перспективах исследования [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2011. N 4(18). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: чч.мм.гггг). 0421100116/0037.

[Последние цифры – номер госрегистрации статьи в Реестре электронных научных изданий ФГУП НТЦ "Информрегистр". Описание соответствует ГОСТ Р 7.0.5-2008 "Библиографическая ссылка". Дата обращения в формате "число-месяц-год = чч.мм.гггг" – дата, когда читатель обращался к документу и он был доступен.]

[К началу страницы >>](#)